

СОДЕРЖАНИЕ

Обращаюсь к Вам! 6

I

Я реабилитирован 7
Загубленная жизнь 9
«Какие же там были интересные люди!» 10
Из сибирской тайги — в Ленинград 12
К Вам — снова! 14

II

«В нашей семье умирают от голода» 16
Блокадный Ленинград слушает Сталина 26
В госпитале 36
«Пусть уж я такой и останусь» 37

III

Послевоенный удар по культуре 40
Школа — настоящая 43
В студенчестве 45
Один день 1949 года 53
Такая вот повседневность 57
И такой учитель 60
У академика Тарле 65
Путешествия студентов в те годы 66
Судьбы старших коллег 71

IV

В атмосфере травли «космополитов» 76
ANNO DOMINI 1953 81
Не дай Вам Бог такого! 86

V

Надежды оттепели 91
И в общежитии — жизнь 97

От отбойного молотка до работы монтажника-высотника	99
С концом оттепели	101
Как же все мы зависим и от геополитики!	104
Москва встречает африканцев	109
Знакомство — издали	116
Удалось узнать забытое прошлое	124

VI

Мы стали первыми	127
Добрый урок	136
Добрая традиция всё же есть!	149

VII

Российский центр у мыса Доброй Надежды	152
Нельсон Мандела о России	156
В Кейптауне	158
Россияне на юге Африки	165
Южноафриканцы — георгиевские кавалеры	169
Южноафриканская кровь — нашим раненым	170
Совсем уж неожиданная находка	172
Карьера Черчилля началась тут	179

VIII

Полвека вместе	182
Студенчество — ныне	191

IX

Сейчас бы так!	197
В американских университетах	203
Люди Зарубежья	205
Для меня — открытия	207
Главное — взаимопонимание!	211
Грозные предсказания	220

X

Серебряный век в моей судьбе	225
Взором его царицы	230

«Не всегда хорошо кончалось...»	239
Встречи с «невенчанной вдовой»	242
Хранили память	255
По его завету	258
Даже в ГУЛАГе	260
К чему приводят запреты	264

ХІ

Вторая муза историка	266
Признания Примакова	269
«Мысли и афоризмы»	271
Люблю!	275
Именной указатель	281

Ведь всё, мой друг,
о нас с тобою.

Булат Окуджава¹

ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ!

Вы уже раскрыли книгу. Разрешите обратиться к Вам.

У каждого из нас есть о чем вспоминать. Будь у меня возможность, осмелился бы Вам сказать:

— Вы, конечно, рассказываете о своей жизни близким, друзьям. А хотите дать своим воспоминаниям и размышлениям бóльшую огласку: опубликовать их? Может быть, Вы уже сделали это? Или, наоборот, категорически против? Если так — то почему?

Ваш ответ был бы очень интересен мне. И разве только мне?

А пока хочу сказать и самому себе, и Вам, почему стал писать воспоминания.

Причин за девяносто с лишним лет моей жизни накопилось очень много. Надеюсь, что в книге это видно. А поводы? Вот один из них — документы, которые мне прислали из Министерства внутренних дел.

¹ Прогулки фрайеров // *Окуджава Б.Ш.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 395.

Я РЕАБИЛИТИРОВАН

Из Министерства мне написали, что (простите за длинную цитату) «в соответствии с определением Конституционного суда Российской Федерации от 18 апреля 2000 г. и Законом Российской Федерации от 18 октября 1991 г. “О реабилитации жертв политических репрессий” заключением ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 26 марта 2003 г. Давидсон Аполлон Борисович как оставшийся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца, необоснованно репрессированного по политическим мотивам, признан подвергшимся политической репрессии и реабилитирован»¹.

Так что, оказывается, я «признан подвергшимся политической репрессии и реабилитирован».

До 2003 года, когда получил такой документ, я этого не знал. А получив, пытался понять его смысл.

Что значит: «подвергся политической репрессии»?

¹ МВД России. Главное управление внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Справка № Д-12. 26 марта 2003 г.

Да, я жил в ссылке. Там и родился. В сибирской тайге, в деревне Ермаково. Я там находился как сын сосланного в 1928 году.

Значит, это признали политической репрессией.

А что значит «реабилитирован»? Меня никогда ни в чем не обвиняли.

В том же 2003 году я получил и другой документ: «Свидетельство». В нем сказано: «Предъявитель настоящего свидетельства имеет право на льготы, установленные статьей 16 Закона РСФСР “О реабилитации жертв политических репрессий”».

Получив эти документы, я их не сразу понял. Когда вдумался, увидел, как тесно их содержание связано с моей судьбой.

Чтобы не быть многословным, скажу только об одном, довольно явном.

Я, говоря языком советского времени, был «невъездным» — до декабря 1981 года, когда пошел уже 53-й год моей жизни. Не мог бывать не только на Западе, но и в Африке, историю которой изучал со студенческих лет, с 1948 года.

Накопленные мною знания оказались нужны нашим властям.

В конце 1950-х в Министерстве иностранных дел создали отдел Африки. Набрали дипломатов, опытных, но никогда не занимавшихся проблемами Африки. Мне поручили читать им курс лекций. Преподавал и в Дипломатической академии (тогда она называлась иначе).

Если мои знания оказались нужны, то, казалось бы, необходимо дать мне возможность увидеть Африку своими глазами. Но этот путь мне был заказан — не разрешали.

Почему? Ответ — не в том ли документе из МВД? Одно лишь упоминание о «политической репрессии» — сами эти два слова, уверен, определяли отношение ко мне.

И в вопросе о поездках за рубеж, и вообще.

ЗАГУБЛЕННАЯ ЖИЗНЬ

А как мой отец стал ссыльным?

В 1928 году Сталин утвердился у власти: покончил с ленинским НЭПом, изгнал Троцкого, расправился с «оппозицией»... И поднялся новый шквал арестов среди интеллигенции. Под это и попал мой отец — отправили в ссылку. К нему поехала моя мама — они сдружились, когда еще их семьи жили под Самарой, в городе Бузулук.

Побывал отец и в тюрьме. Там умер, не выдержав тюремных условий, человек по имени Аполлон. Отцу он очень нравился. И когда я родился, меня назвал Аполлоном — в память о нем.

Отец был в ссылке в сибирской глуши с 1928 года до 1934-го. Затем несколько лет не имел права жить в больших городах. Смог вернуться в Ленинград в 1937-м. В середине марта 1942-го — новая ссылка. Из голодающего Ленинграда высылали тех, кто уже подвергался репрессиям. До середины 1950-х отец был на самом севере, в Салехарде, за Воркутой. В Ленинград не мог вернуться после ссылки еще несколько лет: надо было заработать «северные», чтобы купить жилье в Ленинграде. Вернувшись, ушел на пенсию — ему было за шестьдесят. Так в ссылках и прошла жизнь отца.

Справку о реабилитации мне, его единственному сыну, прислали из МВД через три десятилетия после его кончины, в 2000 году². В ней сказано, что он «был выслан в административном порядке из Ленинграда без указания срока высылки как социально-опасный элемент (сын крупного фабриканта)». И что реабилитирован на основании статьи закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий». Так что реабилитировали его через много лет после его кончины — уже после распада Советского Союза.

² МВД России. Главное управление... Справка № Д-144. 25 октября 2000 г.

Никакими заводами и фабриками мой дед, конечно, никогда не владел. А именно это и было предлогом, чтобы отцу поломали жизнь.

И какое же еще оскорбление! В верхней части присланной мне справки о нем: «Выдается один раз, пользоваться копиями». Человеку ломали всю жизнь — и такой высокомерный окрик!

Так погубили жизнь отцу.

Отразилось это и на моей судьбе.

«КАКИЕ ЖЕ ТАМ БЫЛИ ИНТЕРЕСНЫЕ ЛЮДИ!»

Так часто повторяла эти слова моя мама.

О каких местах она говорила: «там»? О сибирских таежных деревнях, где оказались она, отец и я.

А интересные люди — кто это?

Прежде всего, та петербургская интеллигенция, которую Сталин сослал в Сибирь в конце 1920-х. Как известно, Ленин писал Горькому, что интеллигенция считает себя мозгом нации, а «...на деле это не мозг, а говно»³. Сталин относился к ней еще жестче.

Сосланная интеллигенция, естественно, возмущалась репрессиями, которым ее подвергали. Относиться с симпатией к сталинскому, да и вообще советскому режиму, ей было нелегко. Но вслух выразить свое возмущение — опасно.

Послушать бы, о чем говорили ссыльные в тех таежных деревнях! Что говорил мой отец? Но я был слишком мал, чтобы это понять.

Все же понял, но только через несколько лет, когда вернулся в Ленинград, вместе с мамой (отца еще долго держали в ссылке).

³ Письмо Горькому А.М. от 15 сентября 1919 года // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 51. М.: Политиздат, 1970. С. 48.

К маме приходили ее друзья. Приходили и те, у кого ссылка кончилась.

Все разговоры велись при мне, в нашей комнате. Я их понимал — стал уже старше. Важнейшей темой бесед были репрессии. Ведь ни один из приходивших к маме их не избегал. Даже наши соседи по коммунальной квартире.

Я стал спрашивать маму и ее друзей:

— А какие люди судят о Сталине так же, как вы?

Мне ответили:

— Таких немало. Но открыто говорить боятся.

Добавили:

— Академик Иван Петрович Павлов говорил то, что думаем мы.

И рассказали мне, что слышали о взглядах Павлова.

Это мне так запомнилось, что я потом много лет искал возможности найти документальные свидетельства об этих взглядах. Находил — по чуть-чуть. В Самиздате. А в печати — лишь через много лет.

Узнал, что Павлов писал в Совет народных комиссаров, Бухарину, да и Молотову: «Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия... Мы живем под господством жестокого принципа: государство, власть — всё. Личность обывателя — ничто... Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечно».

Письмо в Совнарком он закончил так: «Не один же я так думаю и чувствую? Пощадите же родину и нас. Академик Иван Павлов. Ленинград. 21 декабря 1934 г.»⁴.

Иван Петрович высказывал эти мысли и в лекциях студентам. «Первую лекцию я всегда читаю на общие темы в свидетельство того, что хотя и специалист, но все-таки живу и общими впечатлениями жизни, с ними считаюсь, их

⁴ Павлов И.П. «Не один же я так думаю...» // Своевременные мысли, или Пророки в своем отечестве. Л.: Лениздат, 1989. С. 94–96, 98.

перерабатываю и на них реагирую... В последние годы я эту общую тему посвящаю внутреннему состоянию России...»⁵

Почему Павлова не арестовали? Уж больно знаменит он был. Но и ему, может быть, не избежать бы тюрьмы, если бы он дожил до ужасного 1937-го.

Конечно, в газетах и журналах эти письма академика Павлова не публиковались, но среди интеллигенции сведения о них тайком распространялись. Так что его слова «Не один же я так думаю и чувствую» брали за душу многих. И тех, кто был сослан в Сибирь.

ИЗ СИБИРСКОЙ ТАЙГИ — В ЛЕНИНГРАД

Вернувшись с мамой в Ленинград, я оказался среди людей, которым пришлось пройти через испытания сталинского времени:

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке⁶.

И очень рано понял, что для советских властных структур и всех зависящих от них учреждений на мне будет клеймо: «сын ссыльного».

Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Я с детства мог общаться с интересными и очень хорошими людьми, слушать разговоры об их жизненном опыте, их взглядах, прислушиваться к их советам. Моя судьба вызывала доверие ко мне у тех, кто осуждал сталинизм. Люди, среди которых я рос, знали, что мой отец — в ссылке. Что я там родился. Это вызывало их сочувствие.

Так что я мог бы отнести к себе слова Евтушенко:

⁵ Павлов И.П. Указ. соч.

⁶ Тарковский А.А. Благословенный свет. СПб.: Северо-Запад, 1993. С. 249.

Я родился в тайге
у сибирской Оки...
У реки по имени Вопреки.

.....

Все, что лучшее в нас, —
Вопреки, а не благодаря⁷.

Так что во всех невзгодах была для меня и добрая сторона. Те, с кем я знакомился, встречался, понимали, что ко мне власть не будет благоволить. И это вызывало симпатию ко мне со стороны несогласных со сталинской политикой. Со мной держались откровеннее, чем это тогда было принято. А порой и душу открывали.

Вот и захотелось написать о них. Возможность появилась в годы перестройки и гласности: цензуру тогда отменили, и я написал о них в книге «Я вас люблю».

Но в 2017-м решил снова обратиться к воспоминаниям. Почему? В 2017-м исполнилось 80 лет с того злополучного 1937-го, когда страдали в лагерях миллионы россиян. Гибли от пыток, расстрелов.

Не скажу, что у нас совсем уж не отмечалась годовщина 1937-го. Но ведь эту трагедию нашего народа надо бы отмечать так, чтобы напомнить и всем нам, и властям, что такое не должно повториться. А эта годовщина прошла почти незаметной. Телевизор, радио и газеты сообщали о ней намного меньше, чем о спортивных соревнованиях.

Необходимо помнить о том, как судьбы тогда ломались! Владимир Высоцкий не был свидетелем 1937-го, он родился позднее. Но писал с отчаянием о тех, кто так несправедливо забыт:

Жжет нас память и мучает совесть,
у кого она есть⁸.

⁷ *Евтушенко Е.А.* Счастья и расплаты. М.: ЭКСМО, 2019.

⁸ *Высоцкий В.С.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Песни и стихи. 1973–1975. Тула: Тулица, 1997. С. 241.

К ВАМ — СНОВА!

Достаточно ли мы знаем то время, в котором прошла бóльшая часть моей жизни? «Советская Атлантида с огромной скоростью — неестественной, казалось бы, для ее безмерных пространств и долголетия, — погружается на дно, покрываясь океанической толщей забвения»⁹.

Покрывается «толщей забвения»? Но ведь нынешние поколения, никуда не деться, — наследники «Советской Атлантиды». Так что знать ее нам обязательно надо. А легко ли это — знать ее, по-настоящему понимать? Можно ли вполне верить официальным документам? Пропаганде? Нужны честные признания тогдашних людей. Но они боялись вести дневники, писать воспоминания. Их мнения искренне выражались лишь в доверительных беседах друг с другом. Но эти разговоры не записывались. Так было не год или два, а много-много лет.

А разве то время совсем ушло? «Еще недавно казалось, что советские условия безвозвратно ушли в прошлое и мало кому интересны. Но сейчас наше общество все больше напоминает мне ту страну, в которой я прожил первые шестьдесят лет своей жизни... А коль скоро это так, прошлый опыт важен не только будущим историкам, о нем полезно знать и современным молодым людям, даже если они сами этого пока не осознают»¹⁰.

В наше время сказано:

...кораблям, что следуют за нами,
Придется драться с теми же волнами,
И скрежетать от той же самой боли,
О те же скалы ребра ободрав¹¹.

⁹ Матвеева Н. Разговорчики в струю // Новая газета. 2007. 24–26 сент.

¹⁰ Кон И.С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008. С. 9.

¹¹ Матвеева Н.Н. Братья капитаны // Избранное: Стихотворения; Поэмы. М.: Худож. лит., 1986. С. 85.

Да скалы могут меняться, волны — тоже. Но боль-то они продолжают приносить! Поэтому знать об этих годах надо. Забываем — и платим за это снова и снова. Да еще как!

А что забываем? Многие страны и народы помнят в своем прошлом прежде всего то, чем можно гордиться: успехи, достижения, победы. Не исключение тут и мы. В заметках поэта Роберта Рождественского есть такая фраза: «Долгое время мы говорили о своей стране, как принято говорить о покойниках: только хорошее»¹².

А государственные ошибки, промахи, преступления? Если их забыть, не вспоминать, они повторятся. В сталинские времена даже упоминать-то об этом было невозможно. Теперь появляются правдивые воспоминания. Но как же их мало!

В судьбе каждого из нас отражается время, на которое твоя судьба пришлась. Я вспоминаю, как повидал в своей жизни то, что важно и сегодня.

Мой жизненный путь не был усыпан розами. Но мне везло, я думаю, в главном: на встречи и дружбу с хорошими людьми. Везет и сейчас.

Слава Богу, у меня друзей немало.

К вам и обращаюсь!

¹² *Рождественский Р.* Поздние записи // Новая газета. 2007. 21–26 июня.

II

«В НАШЕЙ СЕМЬЕ УМИРАЮТ ОТ ГОЛОДА»

Воспоминания часто начинают с истории семьи — о дедах, бабушках, а то и прадедах и прабабушках. Увы, я так не могу. Дедов я не знал: они, как и еще несколько моих родных, за восемь лет до моего рождения умерли от голода, который в 1921–1922-м настиг Самарскую губернию, да и бóльшую часть всего Поволжья. Одна из бабушек вскоре умерла. Вторая — во время эвакуации из блокадного Ленинграда, в апреле 1942-го.

Моя семья попала в два страшных голода: в Поволжье и ровно через двадцать лет — в Ленинграде.

В детстве, если бабушке казалось, что я чего-то не хочу есть, она говорила:

— Ты голода не видел.

О голоде в Поволжье я знал только по рассказам выживших. А о ленинградском... я сам каким-то чудом выжил.

Какие настроения я видел тогда в среде старой петербургской интеллигенции? Той, которую Сталин назвал «перепуганными интелли-

гентиками»¹. Советская власть этим людям была чужда, они от нее пострадали. Но победы Гитлера никто не желал.

С горькой иронией отнеслись к посланию Калинина, «всесоюзного старосты». Обращаясь: «Ленинградцы, дети мои», — он призывал потуже затянуть пояса. А люди-то умирали.

«Перепуганные интеллигентики»! Их уже столько пугали, таскали по ссылкам, чего им еще бояться? Но, наверно, они-то и были большими патриотами, чем те, кто так себя гордо называл. Верили в Бога, хотя в церковь не ходили. Верили в конечный разгром немецкого фашизма, хотя и понимали, что нужны не «несколько месяцев, полгода, может быть, годик». И прилагали к этому все силы, которые у них еще оставались. Продолжали работать, каждый на своем месте. Во время бомбежек мама дежурила на чердаке и крыше: нужно было гасить зажигательные бомбы в ящиках с песком. Иногда ходил с ней и я.

Не верили укоренившемуся слуху, будто первопричиной голода стал пожар продовольственных Бадаевских складов после немецкой бомбежки. Могло ли все содержимое складов погибнуть от одной бомбежки? И вообще — неужели громадный город полностью зависел от одной лишь группы складов, даже если она большая? А не был ли этот слух выгоден ленинградским начальникам или властям, куда более высоким? Или — больше того — ими и «запущен»? Свалить страшный голод на немецкую бомбежку и на нерадивых хозяйственников, которые чуть ли не всё продовольствие для огромного города якобы собрали в одно место, положили все яйца в одну корзину...

Был и другой слух, но его передавали друг другу только шепотом и только самым близким: власти, не надеясь отстоять Ленинград, готовились заминировать важнейшие объекты, а в отношении продовольствия больше всего боялись, как бы

¹ Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // *Сталин И.В.* Соч.: в 16 т. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 84–86.

оно не досталось врагу². Не хотелось верить, что это — правда, хотя считали, что от властей можно ждать чего угодно. И впоследствии это, в сущности, признал даже А.И. Микоян. По его словам, Жданов, а за ним и Сталин, в начале войны отказались посылать в Ленинград дополнительное продовольствие — те составы, которые шли в Германию и должны были с началом германского вторжения повернуть обратно.

Вот воспоминания, которые Микоян опубликовал, уже отойдя от активной деятельности: «В самом начале войны, когда немецко-фашистские войска развертывали наступление, многие эшелоны с продовольствием, направляемые по утвержденному еще до войны мобилизационному плану на запад, не могли прибыть к месту назначения, поскольку одни адресаты оказались на захваченной врагом территории, а другие находились под угрозой оккупации. Я дал указание переправлять эти составы в Ленинград, учитывая, что там имелись большие складские емкости.

Полагая, что ленинградцы будут только рады такому решению, я вопрос этот с ними предварительно не согласовывал. Не знал об этом и Сталин до тех пор, пока ему из Ленинграда не позвонил А.А. Жданов. Он заявил, что все ленинградские склады забиты, и просил не направлять к ним сверх плана продовольствие.

Рассказав мне об этом телефонном разговоре, Сталин дал мне указание не засылать ленинградцам продовольствие сверх положенного без их согласия. Тщетно я пытался его убедить, что спортивные помещения, музеи, торговые, наконец, дворцовые сооружения могут быть использованы как склады»³.

² В.С. Семёнов, известный дипломат, зам. министра иностранных дел, писал, основываясь на свидетельствах очевидцев: «Жданов праздновал в Ленинграде труса. Он и Ворошилов, отправленный сразу командовать Северо-Западным фронтом, фактически считали падение Ленинграда неизбежным» (От Хрущёва до Горбачёва. Из дневника чрезвычайного и полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семёнова // Новая и новейшая история. М., 2004. № 4. С. 102).

³ Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. С. 35–36.

Правда, не было ли и лукавства в этом признании Микояна? Что это были за составы, которые везли продовольствие к западным границам в плодородные области, которые сами снабжали страну? Ведь это было то продовольствие, которое советское правительство поставляло Германии вплоть до первого дня войны.

А об отношении Сталина к ленинградцам — еще одно признание Микояна. «Транспортировка в Ленинград продовольствия по воздуху вначале осуществлялась бомбардировщиками “дуглас”, которые я мог направить туда, поскольку контролировал поставки от союзников.

Транспортных самолетов в современном понимании тогда у нас еще не было. Мне удалось сконцентрировать, за счет других направлений, под Ленинградом около 50 бомбардировщиков “дуглас” и перевозить на них грузы в Ленинград. Дошло до Сталина. Он спросил меня: “О чем ты думаешь? Зачем боевые самолеты используешь не по назначению?” Пришлось уступить. В конце декабря 1941 г. почти все самолеты, доставляющие продовольствие в Ленинград, были переведены на выполнение других заданий.

Кузнецов⁴ имел по этому поводу продолжительный разговор с Поскрёбышевым, стараясь, чтобы тот внушил Сталину “необходимость “дугласов” для снабжения города”. Но Сталин не согласился их отдать на эти цели⁵. Военный совет Ленинградского фронта просил маршала Кулика, командующего 54-й армией, находившейся между Мгой и Волховом, дать в помощь Ленинграду одну-две дивизии. «Имея такую возможность, Кулик этого не сделал»⁶.

В Ленинграде с середины ноября 1941 года встречи между родственниками и друзьями — если они не жили рядом или

⁴ Кузнецов Александр Александрович — партийный деятель, в то время один из организаторов обороны Ленинграда.

⁵ Микоян А.И. Указ. соч. С. 36.

⁶ Там же. С. 35.

поблизости, — почти прекратились. Не было сил. Раньше люди пригибались при свисте снарядов. Теперь уже — нет. Не потому, что стали храбрее, — просто не было сил.

С 20 ноября снова снизили нормы выдачи хлеба. Служащим, иждивенцам и детям — по 125 граммов, да и то с примесью целлюлозы. Вместо жиров, сахара и всего, что полагалось по карточкам, — немного яичного порошка, кусочек американского кокосового масла или что-то еще в этом роде. На месяц! Вода — из Фонтанки, куда десятилетиями сливали нечистоты. Нам-то еще повезло — жили рядом с Фонтанкой.

Кто умел — как-то доставал дуранду, так в Ленинграде называли жмых. Ни мы, ни наши близкие этого не умели. В какой-то мере нас выручило, что мама еще летом запаслась чечевицей. Пережив голод 1921 года в Поволжье, она всегда боялась его повторения. И когда чечевица еще была, пока еще работали коммерческие магазины и столовые, сделала запас. Но, конечно, этого хватило ненадолго. В одной из листовок, которые немцы бросали на город, были слова: «Чечевицу съедите — город сдадите». Долгое время после войны мне казалось — нет ничего вкуснее. И я до сих пор люблю чечевичную похлебку.

Декабрь 1941-го и январь 1942-го — настолько страшные, что рука не поднимается описывать. Да и не уверен, что так уж отчетливо все помню. От голода память, как и все чувства, притупляется. Восприятие становится не очень отчетливым.

Еще в декабре не стало человека, который тогда называл себя моим «дедом», и его жены. Им было около семидесяти лет. Такие люди в то время выдержать не могли. Они были обречены. «Дед» с женой ушли из дома. Может быть, надеялись на помощь санитарных машин. Замерзли на улице...

Не стало моего двоюродного брата и двоюродной сестры — им не было и восемнадцати. Никто не знал, когда наступит его черед. Обтянутые кожей лица, как черепа, серо-землистого цвета. Врачи говорили, что по губам можно

определить, выживет человек или нет: если совсем серые — не жилец. Цинга — два коренных зуба у меня выпали. Оказалось, что хуже всего переносят голод мужчины. Большинство знакомых, умерших еще в декабре, — мужчины. Слышал о случаях людоедства, а свидетельство этого видел только один раз: в соседнем дворе лежали обструганные берцовые кости, похоже человеческие. В магазине видел, как вырывают друг у друга даже маленькие кусочки хлеба. Видел, что голод мог доводить до озверения, но в кругу близких такого не припомню. Скорее — самопожертвование. Помню, меня поразило: бабушка пришла к нам узнать, живы ли мы. Пришла с Васильевского острова к Пяти углам.

Однообразные дни... Без воды, без света, без тепла. Главное — без еды. Не раздевались ни днем, ни ночью. В пальто. В очередях за пайком, за хлебом — сырым, глинистым. Иногда его привозили только к полудню. А бывало, и на следующий день. Очереди занимали с раннего утра.

Я рубил топориком мебель для буржуйки. Начал с мелкой, потом дошел до дивана, но старинный дубовый сервант — не сумел. Не хватило сил. Это его спасло, он сохранился и по сей день стоит у меня в квартире.

«Теперь, через 50 лет после снятия блокады, часто приходится слышать от переживших ее, как они героически сражались с голодом и холодом, становились донорами из патриотических побуждений, дружно и вдохновенно расчищали разбомбленные дома и улицы, чистили и убрали любимый свой город. Все это верно. Только это полуправда. Героизм, конечно, был. Но его, скорее, можно отнести ко второму периоду блокады, когда стали более регулярно поступать в магазины и столовые продукты, появилась надежда на близкое снятие блокады, да и на фронтах обозначились реальные успехи Советской армии. Оставшихся в живых ленинградцев тогда действительно охватило желание скорее восстановить город, создать привычную обстановку прежней своей жизни. В тяжелейший же период, октябрь — декабрь 1941 г. и январь — март 1942 г., у погибающего от голода и

холода населения была одна проблема: выжить и сохранить жизнь своим близким и родным»⁷. В этих словах блокадницы В.С. Гарбузовой немало правды.

На что надеялись? Что войска маршала Кулика, генерала Федюнинского возьмут Мгу, Тихвин, прорвут, наконец, кольцо.

К началу марта подвоз продовольствия немного вырос. Чуть прибавили хлебные нормы. Развивался черный рынок: можно было обменять какие-то вещи на хлеб, конечно, нелегально. В нашем доме был продовольственный магазин. Туда — продавцам — ушло многое из того ценного, что мы имели.

Но это были лишь крохотные послабления. Голод продолжался. Люди по-прежнему умирали.

Шла эвакуация по Дороге жизни, по льду Ладоги. Решиться или нет? Надо ли? И хватит ли сил? Желающих — множество, хотя еще в середине февраля пошел слух, что эвакуированные могут лишиться права на свою жилплощадь. Но жизнь — дороже жилплощади. К тому же извечная надежда: авось, не отберут.

В марте 1942-го началась принудительная высылка из Ленинграда. Людям присылали повестки: выселяетесь, такого-то числа обязаны быть на Финляндском вокзале. По какому признаку выселяли? Никто ничего не объяснял. Говорили о якобы трех категориях населения: немцах, эстонцах и тех, кто уже раньше был репрессирован.

Высылать тех, кто и так-то, может быть, не доживет до завтра, умрет от голода! Да, умом Россию не понять!

Моего отца выслали (снова в Сибирь) 19 марта 1942 года, и его ссылка очень подействовала на маму и всех нас.

Мы наскоро собрались и двинулись тоже: бабушка, мама со мной, ее сестра с сыном и жена брата с двумя сыновьями.

⁷ Гарбузова В.С. Предисловие // Болдырев А.Н. Осадная запись (блокадный дневник). СПб.: Европейский Дом, 1998. С. 21.

25 марта мы на детских саночках привезли свой убогий скарб на Финляндский вокзал. Мороз кончился, снег таял. Отъезд был обставлен чуть ли не празднично: каждому дали по миске каши с двумя сардельками.

Но, чуть отойдя от города, на Ржевке, поезд остановился и простоял там два дня. Когда отправится — никто не знал. О еде не было и речи. Тела тех, кто не выдержал, складывали у подножек вагонов прямо на снегу.

Затем — Борисова Грива, это ленинградская сторона Ладоги. Потом на полutorке — по Ладоге. Нас всех накрыли брезентом, вероятно, чтоб не пугались зарева боев на южном берегу. Я, конечно, брезент приподнял. И увидел зарево. Но, главное, увидел, как грузовик перед нами ушел под лед — попал в воронку. Шоферам было трудно: конец марта. Поверх льда — вода. Дорога жизни по льду уже на исходе.

Дальше — другой берег, Большая земля и путь до Свердловска... 20 дней. На станциях наш поезд обычно отгоняли на самый дальний путь: на ближних — воинские эшелоны, скорые пассажирские. Кормежка — на станциях. За день поезд может пройти три станции, а иногда сутками стоять на полустанках или среди поля. Да если бы и пришел на станцию — попробуй получить свой суп, кашу и чай! С несколькими судками надо пробраться под составами, которые отделяют нас от станции. Иногда их пять или шесть. И все время оглядываешься: как бы не ушел поезд. О его отправке зачастую не объявляли.

Перед нами шел эшелон с высланными из Ленинграда. Говорили, что это были эстонцы, но кто знает? До Большой земли они ехали как свободные, а после Ладоги — под конвоем. Наверно, им получать пищу было еще труднее, чем нам. Во всяком случае, когда наш эшелон приходил на станцию сразу вслед за ними, на перроне, бывало, лежали две горки трупов: в начале поезда и в конце. Иногда их успевали накрыть брезентом, иногда нет.

У нас мучились от кровавого поноса. И откуда-то сразу взялись вши. В Ленинграде у нас их не было.

Дважды обстреливали немецкие истребители: возле станции Буй и где-то еще, когда мы стояли среди поля. Те, кто могли, прятались под вагонами.

До Свердловска доехали не все. В нашей семье — из четырех взрослых только двое. Бабушка, Лидия Петровна Макрушина, скончалась в день приезда в Свердловск. Тетя Лиля, Елизавета Дмитриевна Макрушина-Сырейщикова, еще в поезде. Двух ее сыновей взяли в детдом. Да и нас с мамой ждал невеселый прием. Отчим считал, что нас нет в живых, и у него была уже новая жизнь.

Дальше — скитания ленинградцев в эвакуации.

В результате голодовки у меня очень обострилась врожденная болезнь почек, я три года не учился, валялся по больницам. За два года сдал программу экстерном, а третий год так и не наверстал. Приехал в Москву и лег в больницу, в военный госпиталь на Пироговке.

Во время войны о ленинградском голоде в советских газетах почти не писали. А после? В 1949 году по приказу свыше закрыли Музей обороны Ленинграда, куда ленинградцы отдавали свои блокадные дневники и личные вещи, надеясь, что память о блокаде не исчезнет. Уничтожили 25 тысяч экспонатов. Руководителей музея репрессировали.

Летом 1986-го на советско-американской общественно-политической конференции в Баку я говорил с американским историком и публицистом Гаррисоном Солсбери. Его книга «900 дней. Блокада Ленинграда» вышла в Нью-Йорке в 1969 году и была к тому времени, наверное, лучшей книгой о блокаде.

Он был настроен мрачно. Легко понять. Ему было уже 78 лет. Эта книга — дело всей жизни (он работал над ней четверть века) переведена на многие языки, а надежда на издание в СССР даже не брезжила. Ее в сокращенном виде опубликовали в 1992 году в журнале «Звезда» (по инициативе академика А.А. Фурсенко), а отдельной книгой — только в

1996-м. Автора давно не было в живых. Тогда-то мы и смогли прочитать в эпилоге, озаглавленном «Ленинградское дело»:

«Не только закрыли Музей обороны Ленинграда, но и конфисковали его архивы, а директора увезли в Сибирь. И не только художественная литература запрещалась вообще или кромсалась цензурой, прятали, арестовывали официальные документы: например, все документы Ленинградского Совета обороны поместили в архивы Министерства обороны, и ни один советский историк не имел к ним доступа, до сих пор они хранятся под грифом высшей секретности... Из памяти была вычеркнута ленинградская эпопея; насколько это физически возможно, создавались “провалы памяти”, как у персонажей Оруэлла, и строительные кирпичики истории — официальные документы, статистика, воспоминания о том, что произошло, — уничтожались или конфисковывались»⁸.

Скрывалось и подлинное число погибших в блокаде. Лишь в конце 1980-х и в начале 1990-х стало известно, что погибло до миллиона двухсот тысяч ленинградцев. И что если с Большой земли шли в Ленинград составы с военным снаряжением, то продовольствие долго не поставлялось.

В недавно изданных воспоминаниях говорится, что в первые годы блокады город был оставлен на произвол судьбы. И что в глазах Сталина город был объектом неприязни. «Думаю, что ее причина — чувство собственного достоинства ленинградцев, способность к самостоятельному мышлению»⁹.

Да, потом появилось немало воспоминаний и исследований о блокадном Ленинграде. Но все же куда меньше, чем заслуживает гибель миллиона ленинградцев и трагедия тех, кто каким-то чудом уцелел.

Чуковский в 1945 году написал:

В Новой Зеландии или в Америке, —

Всюду, куда б ни заехали вы, всюду, везде одинаково

⁸ Солсбери Г. 900 дней. Блокада Ленинграда. М.: Пресс, 1996. С. 587–588.

⁹ Новая газета. 2019. 13 мая.

Жители Праги, Гааги, Парижа, Чикаго и Кракова —
На вас молчаливо укажут
И тихо, почтительно скажут:
«Он был в Ленинграде... во время осады...
В те годы... вы знаете... в годы блокады!»
И снимут пред вами шляпы¹⁰.

Не скажу о Новой Зеландии, но в нашей стране отдается ли ленинградским блокадникам дань такой памяти, какой они достойны?

А погибшие от голода в Поволжье в 1921–1922 годах? Один из известных советских историков написал о них книгу «Победа над голодом»¹¹ — о мерах советского правительства не столь уж, увы, эффективных. А о самих миллионах умерших?

БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД СЛУШАЕТ СТАЛИНА

Седьмого ноября 2018 года в Москве состоялся торжественный военный парад. В сущности, он должен был отметить 100-летие установления большевистского режима. Но об этом говорили мало. Наверно, из-за острых нынешних споров: хороши были для нашей страны те события, изменившие ее судьбу, или нет.

И парад посвятили другому событию: параду на Красной площади 7 ноября 1941 года. Тот парад занял особое место в нашей истории: многие его участники сразу же отправлялись на фронт.

Теперь ежегодно, в День Победы, 9 мая, телевизор напоминает о параде 1941 года. Но при этом никогда не говорится

¹⁰ Чуковский К. Ленинградским детям // Ничто не забыто: 320 страниц о 900 днях блокады Ленинграда. 1941–1945. СПб.: ДЕТГИЗ-Лицей, 2005. С. 300.

¹¹ Поляков Ю.А. 1921-й. Победа над голодом. М.: Политиздат, 1975.

о той речи, с которой Сталин тогда обратился к параду и ко всей стране.

Почему?

Это заставило меня еще раз пережить тот день, который я запомнил на всю жизнь.

Блокадный Ленинград... 7 ноября 1941-го... Накануне — бомбежки, одна за другой. Гитлеровцы хотели, должно быть, так отметить 24-ю годовщину большевизма. Рядом с нами рухнули дома. В нашей комнате вылетели стекла. Никто из нашей коммунальной квартиры в этот день не спускался в бомбоубежище. Гремели сигналы воздушной тревоги, но все хотели услышать, что скажет Сталин на параде на Красной площади.

Что же он говорил?

«...Наша Красная армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска...

В Германии теперь царят голод и обнищание, за четыре месяца войны Германия потеряла четыре с половиной миллиона солдат. Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают...

Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик, — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений!»¹²

А война продлилась не несколько месяцев, не годик. Почти четыре года! И жильцы нашей квартиры, веря в победу, понимали, что наступит она не столь скоро. И откровенно говорили об этом друг другу.

Но, попробуй, скажи тогда о своих сомнениях где-то еще за пределами коммунальной кухни! На тебя сразу найдется управа. Сталин в свою речь вставил предостережение: «Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентки»¹³. Сомневаешься — значит, ты и есть «пе-

¹² Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 81.

¹³ Там же.

репуганный интеллигентик». И что уж с тобой сотворят — пеняй на себя!

В этой речи Сталин не сравнивал германские потери с нашими. Но накануне, 6 ноября, на торжественном собрании Моссовета, сказал: «За 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тыс. и пропавшими без вести 378 тыс. человек, а раненых имеем 1 млн 20 тыс. человек. За тот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными более 4,5 млн человек»¹⁴.

От этих совершенно неправдоподобных оценок Сталин и потом не отказывался: они вошли в сборники его речей и в его собрание сочинений.

Ту речь жильцы нашей коммунальной квартиры слушали вместе, на общей кухне. Собрались все не только, чтобы слушать эту речь. Мы там и жили. Окна наших комнат выходили на обстреливаемую сторону улицы. А кухня — в глубине квартиры. Безопасней. И она — большая, можно там разместиться.

В кухне и шло обсуждение сталинской речи — и сразу, после трансляции, и в последующие дни. Приняли участие друзья и знакомые, заходившие к нам. Тогда, в начале ноября, от голода еще не умирали. Еще хватало сил навещать близких, проживавших на других улицах, в других районах города.

Сталинскую речь обсуждали бурно. Конечно, хотелось бы верить его бравурным словам. Но не получалось. Не поверили ни цифрам, ни бедственному положению Германии, ни скорому окончанию войны.

Вспомнили, как за неделю до войны во всех советских газетах было сообщение, что за границей (подразумевались Англия и США) считают, будто Гитлер хочет напасть на СССР. Но в газетах категорически утверждалось, что это все — выдумка, чушь!

¹⁴ Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1941 года // *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 72.

Вспоминали также, что в первой своей речи после начала войны, 3 июля 1941-го, Сталин назвал нападение Гитлера «вероломным».

Ну как можно заведомого убийцу называть вероломным? Это же нонсенс. Значит, от убийцы ждал чего-то хорошего. Значит, не понимал его. Или не хотел понимать?

Вспомнили, что с конца августа 1939-го наши газеты и радио прекратили критику Гитлера и его политики. Что Сталин регулярно поздравлял Гитлера с днем рождения.

Да что там Гитлер — даже Риббентропу он писал: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной». Эта переписка печаталась в советских газетах¹⁵. Так Сталин предлагал советскому народу считать Гитлера и Риббентропа вождями германского.

— А Черчилля и Рузвельта Сталин поздравлял?

— Не слыхивали.

Все помнили, как на сессии Верховного Совета 31 августа 1939 года Молотов сказал, что договор СССР с гитлеровской Германией, заключенный в конце августа, — это гарантия мира в Европе. А Вторую мировую войну Гитлер начал через несколько часов после этой речи!

Вспоминали, как нам внушали уверенность, что советская военная мощь незыблема:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ¹⁶.

Опасаться нечего. «Броня крепка и танки наши быстры». «От тайги до британских морей Красная армия всех сильней».

Так что можно быть уверенным в наших силах и ждать:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,

¹⁵ Например: Правда. 1939. 25 дек.

¹⁶ Марш авиаторов. Сл. П.Д. Германа.

Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет!¹⁷

В нашей общей кухне слова этой песни вызвали двойную реакцию. Говорили не только о бравурности.

— А «первый маршал»? Первый — Ворошилов. Почему он не назван?

— Ясно же, почему. Четыре года назад расстреляли трех маршалов: Тухачевского, Блюхера, Егорова. Оставили только двух. Так лучше уж побережься, не называть имен. Кто знает, что будет? Вот автор песни и решил обойтись без имен. Безопасней — «первый маршал».

Всего этого, да и многого другого, наслушался я тогда, в начале ноября 1941-го. Конечно, говорили так и раньше. Но речь Сталина, ее уж очень явное несоответствие реальности, вызвала особую горечь.

Нашими соседями по квартире была семья Набоковых — из того самого рода. Хорошее образование, особенно у старших. Большая библиотека. Жизненный опыт. С 1934-го, когда вслед за убийством Кирова поднялась волна репрессий и тысячи ленинградцев попали на несколько лет в ссылку, среди них оказались и Набоковы. Друзьям они потом говорили:

— Так мы же убийцы Кирова!

Умения понимать события обитателям нашей квартиры было не занимать. И свое понимание передавали друг другу. Тогдашняя песня «И вместо сердца — пламенный мотор» была не для них. Почему-то хотели в своей груди иметь сердце, а не мотор.

Но все-таки и они терялись: зачем Сталин снова и снова запускает в наше сознание такую заведомую неправду? Чтобы ободрить нас? Ложь — во спасение? Или решил своей уверенностью укрепить нашу веру в него?

Вспоминали слова Черчилля. В июне 1940-го, когда уже Франция капитулировала, и Англия осталась одна перед всей

¹⁷ Марш танкистов. Сл. Б.С. Ласкина.

завоеванной Гитлером Европой, Черчилль, придя к власти, обратился к народу с речью в палате общин: «Мне нечего предложить, кроме крови, тяжкого труда, слез и пота»¹⁸. А через два месяца, по радио: «Война будет длительной и тяжелой»¹⁹.

Британия в страшном критическом положении — и глава правительства не скрывает правду. А Сталин?

Зачем нам такая неправда? Даже если кто-то считает, что она — во благо.

Такая общая бурная беседа стала в нашей квартире первой. Потому что после Большого террора 1937–1938 гг. обсуждение таких острых вопросов велось не целыми квартирами (очень уж опасно), а только с глазу на глаз, да и то редко. Но в блокадном Ленинграде смерть грозила от всего: от голода, бомбежек, снарядов, от угрозы захвата Ленинграда. Тут уж привычный страх перед слежкой от КГБ—НКВД немного отступал, слабел. Не скрывали возмущения сталинской политикой, которая привела к гибели миллионов и миллионов. В разговорах все время звучало то, что осознал и Симонов, но лишь много лет спустя: «...не будь 1937 года, не было бы и лета 1941 года»²⁰.

Говорили в нашей коммуналке, что такая сталинская неправда — не новость в российской истории. Вспоминали 1937-й и даже досоветское время. Старшая из Набоковых, Александра Иосифовна, помнила, что в 1915-м, когда русские войска терпели поражения на германском фронте, в газетах предпочитали писать о победах. А еще раньше, в 1891–1892-м, когда голодали многие губернии европейской части России, Александр III повелел слово «голод» не употреблять.

¹⁸ Черчилль У. Речь в палате общин. Лондон, 13 мая 1940 г. // Мудрость Черчилля: Цитаты великого политика. М.: ЭКСМО, 2020.

¹⁹ Он же. Мускулы мира. М.: ЭКСМО, 2003. С. 178.

²⁰ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М.: Книга, 1990. С. 262.

Да о чем только ни говорили! И все не о том, что сообщали радио и газеты, а о том, что люди обсуждали между собой:

— Так что же это все? Неужели власть считает, что мы не совладаем с горькой правдой, если о ней сказать прямо? И надо ли наши мозги «припудривать»?

Веря, что в войне наша страна победит, все надеялись, что тогда кончится и цепь неправд, которая звучала в сталинских выступлениях.

Одна из причин, почему я запомнил этот разговор: он пересекся с моими детскими воспоминаниями. Соглашение «Молотов — Риббентроп» (на самом деле «Сталин — Гитлер») датируется 23 августа. Это день моего рождения, в 1939 году в этот день мне исполнилось десять лет. А 1 сентября — мой день рождения по паспорту²¹. Так что друзья моей мамы, которые поздравляли меня с десятилетием, говорили не обо мне, а о начале Второй мировой войны. Их разговоры мне запомнились.

На кухне тот разговор стал и последним. Поэтому он мне так запомнился. Уже через три недели, в декабре, началась массовая гибель от голода. Жильцов в нашей квартиры стало вдвое меньше. Моя семья — тоже уменьшилось вдвое. Тем, кто остался в живых, было не до бесед, да еще на такие темы. Не было сил.

Стоит ли вспоминать всё это сейчас, в годы торжественных юбилеев Победы, с такими военными парадами, смотрами новой грозной военной техники?

Те, кого я слушал тогда в нашей квартире, вспоминали бы. Уверен, останься они в живых, говорили бы и о той лжи, из-за которой число жертв в нашей стране чудовищно росло.

²¹ В Сибири, где я родился, до ближайшего ЗАГСа ехать на лошадях было очень долго, мама доехала лишь в середине сентября. И ей сказали: «Книга записей за август уже закрыта, выбирайте любой день в сентябре».

Потом, через много лет, Андрей Макаревич, хоть он и не жил в блокадном Ленинграде, все-таки выразил чувства тех, кого я тогда знал. Их душевному настрою созвучно было бы:

Только, слышишь, звучит,
Проступает из стен Ленинграда,
Тихо-тихо поет
И в тебе, и во мне, и вокруг...
Может быть, про войну
Слишком много и громко не надо,
Чтобы ревом фанфар
Не спугнуть, не убить этот звук?²²

Мне те разговоры стали уроком на всю жизнь. Постоянно их вспоминал. И разве только в сталинское время? А когда Хрущёв уверял нас, что мы вот-вот обгоним Америку?

Ну, не буду продолжать...

Конечно, помнить о таких разговорах, как те в нашей квартире, обязательно надо! Да, о них не писали в газетах, не сообщали по радио. Но без них, без неофициальных, непропагандистских мнений, интимных разговоров, невозможно по-настоящему понять нашу страну. Ее советское прошлое. Да, может быть, и настоящее...

На кухне говорили не только об этой речи Сталина. Каждый вспоминал, как пострадал от сталинского режима.

Это заставило меня еще внимательней прислушиваться. Сравнить с судьбой моих родных. И еще грустнее задуматься о своем будущем.

Так что, слушая о бедах собравшихся на нашей кухне, как было не думать: повторится ли это и в моей судьбе?

Седьмое ноября 2019-го, смотря по телевизору военный парад в память парада 1941 года, думал: тогдашнюю речь Сталина никак нельзя забывать, — чтобы подобная ложь не вылилась на наши головы и сейчас.

²² Макаревич А.В. Все очень просто. М.: LANTERNA, 1994. С. 203.

Через много лет Солженицыну пришлось призывать нас «жить не по лжи»²³. И с горечью приходит к выводу: «насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а ложь может держаться только насилуем»²⁴.

Казалось бы, одной тогдашней речи Сталина уже достаточно, чтобы не верить ему. Но вот ведь: его перевозносили, буквально боготворили. Даже те, чьи имена мы сейчас проносим с глубоким уважением. Ведь и через двенадцать лет, в марте 1953-го, когда его не стало, Твардовский горевал:

В этот час величайшей печали
Я тех слов не найду,
Чтоб они до конца выражали
Всенародную нашу беду...²⁵

А Константин Симонов?

Нет слов таких, чтоб ими рассказать,
Как мы скорбим по Вас, товарищ Сталин!²⁶

Ольга Берггольц:

Обливается сердце кровью...
Наш родимый, наш дорогой!
Обхватив твое изголовье,
Плачет Родина над Тобой²⁷.

А ведь Ольга Берггольц сидела в Тридцать Седьмом, Твардовский — сын раскулаченного, Симонов — дворянский отпрыск.

Для того, чтобы даже у таких людей, как Симонов, Твардовский и Берггольц, открылись глаза, потребовались годы.

²³ Солженицын А. Жить не по лжи // Комсомольская правда. 1990. 1 сент.

²⁴ Александр Солженицын. Нобелевская лекция по литературе 1972. <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_nobel.txt>.

²⁵ Правда. 1953. 7 марта.

²⁶ Правда. 1953. 7 марта.

²⁷ Правда. 1953. 13 марта.

Они жили в те годы, когда Академия наук СССР приветствовала Сталина так: «Вам, величайшему мыслителю нашего времени и корифею передовой науки, пламенный привет»²⁸. В то время для миллионов и миллионов людей Сталин был, как сказал Окуджава:

...никакой не мучитель,
А просто наш вождь и учитель²⁹.

Лишь через много лет Симонов написал: «Это время, наверное, если быть честным, нельзя простить не только Сталину, но и никому, в том числе и самому себе». За что? «Плохо было уже то, что ты к этому привык»³⁰.

Да, многим и многим предстояло еще долго и трудно снимать пелену со своих глаз — вплоть до 1956-го, до разоблачений деятельности Сталина.

Но так ли уж мало было и тех, кто и раньше жил с открытыми глазами? Такие люди были. Мы до сих пор знаем о них намного меньше, чем они заслуживают.

Тем, кто собирался на нашей кухне, не нужно было дожидаться, пока откроются их глаза. Они понимали. Почему? Они происходили из старой петербургской интеллигенции, о которой говорили тогда: «из бывших». Жили под угрозой постоянных преследований, и их это многому научило.

Люди, среди которых я рос, были уверены в поражении Гитлера. Но — какую же ужасную цену заплатит за это наш народ!

И хотели надеяться, что после войны власть будет врать нам голосом Сталина и голосами других хотя бы поменьше.

²⁸ Правда. 1939. 24 дек.

²⁹ Окуджава Б.Ш. Милости судьбы. М.: Московский рабочий, 1993. С. 170.

³⁰ Симонов К. Глазами человека... С. 230, 262.

В ГОСПИТАЛЕ

После эвакуации из Ленинграда мы с мамой в конце 1943-го оказались в Москве. Мне портила жизнь болезнь левого бока: частые сильные приступы боли. В июне 1944 года я оказался в госпитале на Пироговке. Лежал там почти месяц: разрежали бок, оказалась врожденная болезнь почки, обострившаяся во время ленинградской блокады.

На всю жизнь остались впечатления от встреч с ранеными офицерами и солдатами. И той общей смены настроения, которая наступила после открытия Второго фронта — высадки англо-американских войск в Нормандии 6 июня.

Хорошо помню общее настроение до этого. Говорили о западных союзниках без симпатии: «начерчили-начерчили, а рузвельтатов-то и нет». Свершившееся наконец открытие Второго фронта и вести о боях в Нормандии стали началом того настроения, которое потом вылилось у молодежи в песнях и уже с симпатией к союзникам.

Об англичанах — начиналась так:

На эсминце капитан Джеймс Кеннеди,
Гордость флота англичан Джеймс Кеннеди.

А конец:

И британский офицер Джеймс Кеннеди
Носит орден ССР! Джеймс Кеннеди!³¹

И это несмотря на то, что нам, школьникам, запрещали танцевать «западные» танцы: фокстроты и танго, а вместо них заставляли на школьных вечерах танцевать бальные танцы, такие как падепатинер.

Рассказывали мне о положении в воинских частях и на фронте и не совсем так, как в официальных сводках.

Как-то в минуты особой откровенности один из офицеров, уже немолодой, сказал мне:

³¹ «Джеймс Кеннеди» — популярная джазовая песенка времен Великой Отечественной войны, сл. С.Б. Фогельсона.

— Ну мы же сами виноваты, что понесли в войну такие громадные потери. Сталин ведь в 1937 году так ослабил нашу армию! Было пять маршалов, он ликвидировал трех, как раз тех, кто знали, как сейчас ведутся современные войны. Это Тухачевский, Егоров, Блюхер. Оставил двух участников Гражданской войны: Ворошилова и Будённого. И сколько репрессировал флагманов флота, командиров корпусов, десятки тысяч офицеров! Если бы этого не было, если бы он наши войска так не ослабил, осмелился бы Гитлер напасть на нас?

Кто-то из офицеров, в порыве откровенности возмущался тем, что в начале войны были высланы в Среднюю Азию и Сибирь тысячи немцев, которые жили в Поволжье, и упразднена их автономная республика. Он говорил:

— Я уже два года воюю против немцев. Но каких немцев? Гитлеровских войск. А немцы, которые из поколения в поколение живут в России? Чем они виноваты?

Все это мне запомнилось.

Мне поставил диагноз и сделал тяжелую операцию лучший тогда советский уролог — Р.М. Фронштейн (теперь эта клиника носит его имя).

«ПУСТЬ УЖ Я ТАКОЙ И ОСТАНУСЬ»

— Таких, как я, обзывали «гнилой интеллигенцией», и «беспартийной сволочью». Так пусть уж я такой и останусь.

Так моя мама ответила парторгу, который предложил ей вступить в партию. Конечно, сказала сгоряча. И могла поплатиться. Но парторг не донес.

А настроение такое у нее возникло еще в 1921–1922 годах во время ужасного голода в Поволжье. Она видела как британские квакеры и американская АРА («American Relief Administration») стараются помочь голодающим. А помощь, которая шла от большевистской власти, ей казалась явно недостаточной. Считала, что власть мало уделяет внимания этой трагедии.

Маме тогда ой как досталось! Ее отец умер от голода, а среди шести его детей она была старшей — ровесница того столетия, родилась в 1900-м. Выбивалась из сил, чтобы они хоть как-то выжили. Ездил в Ташкент за хлебом, работала сестрой милосердия в сыпнотифозном госпитале в Самаре. Да и потом ей приходилось заботиться о своих братьях и сестрах. Поэтому не могла поступить в университет — и так и осталась без высшего образования. Хотя кончила гимназию с золотой медалью.

С тех пор у нее — глубокое сочувствие к страдающим, особенно к тем, кто страдал от большевистской власти. Поехала в Сибирь, чтобы разделить судьбу с человеком, которого туда сослали.

Все это привело к близости с теми, кто понимал происходящее и отнюдь не идеализировал сталинизм.

К маме тянулись люди. Зная события ее жизни, ей доверяли. К тому же — ее харизма. Хотя должность у нее была уж как невелика (работала в канцелярии). Вокруг нее собирались врачи медицинского техникума, а потом Военно-медицинской академии, где она работала.

Привлекала, должно быть, ее способность сохранять доброе настроение даже в очень трудных условиях. Ее умение сочувствовать другим. Ее чувство юмора. Любовь к старым русским романсам. Знание оказавшейся тогда под запретом предреволюционной русской культуры.

У нее дома были сборники тогдашних стихов. Кое-что она помнила наизусть, и с ее слов эти стихи записывали или печатали на машинке. Если ей приносили что-то, чего у нее не было, она перепечатывала. Перепечатала сборник стихов Николая Агнивцева. Я его сразу переплел и до сих храню.

Она договорилась в переплетной мастерской Военно-медицинской академии, чтобы мастера научили меня переплетному мастерству. И я, старшеклассник, это освоил. Одно время был даже в штате, переплетал проекты восстановления разрушенных зданий Ленинграда. Ко мне приходили знакомые мамы — заядлые библиофилы, приносили книги,

просили переплести. Это были очень интересные люди. Ведь время-то тяжелое: первые послевоенные годы. И уж если хотели переплести, значит речь шла о книгах, которые особенно дороги. Так что я получил возможность повидать и редкостные книги. Ну, и это дало мне заработок. При низкой зарплате мамы — важное подспорье.

Так что знакомствам с людьми старшего поколения, с теми, у кого взгляды были, как у моей мамы, я обязан ей.

Мама умерла через много лет. От рака. Но незадолго до смерти сказала: «Ты не думай, никакого рака у меня нет. В нашей семье умирают от голода».